

Дебютные работы**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ**

Стребков Денис Олегович
магистр МВШСЭН, аспирант ГУ-ВШЭ
E-mail:

За последние несколько лет в России уже привыкли к тому, что периодически то в одних, то в других регионах страны проходят всевозможные акции протеста – митинги, манифестации, пикетирования. Тысячи людей выходят на улицы, выдвигая те или иные требования экономического, а часто и политического характера. На предприятиях повсеместно проходят массовые забастовки. Кое-где на смену забастовкам приходят более жесткие формы противостояния – захватываются в заложники руководители, захватываются производственные и административные здания, парализуются важнейшие коммуникации. «К экстремальным действиям подталкивает людей безысходность и нерезультативность прежних акций протеста. Блокада транспортных магистралей все большим числом людей воспринимается как единственный способ снятия проблем. Распространяется убеждение, что реально защитить свои интересы можно только масштабностью акций, решительностью действий и категоричностью требований» [7, С. 160-161].

В какие-то месяцы число участников забастовок и других акций протеста по стране не превышает 5-10 тысяч человек, в какие-то достигает 200-300 тысяч. С чем же это связано? Можно ли выделить факторы, непосредственно влияющие на протестную активность населения? Можно ли научиться прогнозировать ее изменения на основе каких-либо объективных или субъективных данных? Целью данной работы является попытка ответить на эти и ряд других вопросов, касающихся поставленной проблемы.

Факторы, воздействующие на поведение населения, можно разделить на четыре основные группы: экономические, политические, информационные и социальные.

Под *экономическими* подразумеваются факторы, непосредственно влияющие на материальное положение людей: размер их заработной платы и задолженность предприятий по ее выплате, а также общий рост цен.

Говоря здесь о *политических* факторах, я имею в виду то, что активность отдельных партий и движений, политических и профсоюзных лидеров может существенным образом повлиять на протестный потенциал населения. Как пишет Ю. Левада, «главная проблема массового недовольства и протеста – это проблема *использования* ее различными организованными силами «элитарного» происхождения. То, что принято было называть «борьбой за массы», по сути дела, всегда и везде сводилось к конкуренции за использование массового недовольства в интересах определенной элитарной группы» [9, С. 12].

Информационное воздействие – это воздействие на людей со стороны средств массовой информации. Очень часто газеты, радио и телевидение преподносят факты в

искаженном виде, сгущая краски, нагнетая массовую истерию, ловко манипулируя общественным мнением [7], [12], [13].

Наконец, последняя группа переменных охватывает такие явления, как безработица, преступность, национальные конфликты и т.п., дающие нам представление о *социальной* стабильности в обществе.

Логичным было бы предположить, что именно низкий уровень реальной заработной платы и большая задолженность являются главными причинами, вызывающими массовую неудовлетворенность населения своим уровнем жизни. Именно они приводят к росту числа тех людей, кто, отвечая на вопросы социологических анкет, говорит, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно».

Но, понятно, что в действительности рост общественного недовольства зависит от множества различных факторов и от их взаимодействия друг с другом, а не определяется одной лишь экономической конъюнктурой. Нужно ведь учитывать не только экономические, но и психологические факторы, многократно усиливающие как негативные, так и позитивные перемены объективного характера. Вот, что об этом пишет Л. А. Гордон:

«Задержка заработной платы в среднем сокращает годовой фонд оплаты труда на 5-10%, но из-за своей наглой незаконности, оскорбляющей элементарное чувство справедливости и попирающей достоинство человека, вызывает большее возмущение, нежели инфляция, хотя последняя отнимала по 20-30% реальных заработков в год. Если практика невыплат будет сохраняться и дальше, вполне вероятно, что она обернется всплеском массовых стихийных возмущений непредсказуемой силы и, не исключено, совершенно иррационального характера... Напротив, устранение задолженности способно уменьшить недовольство в гораздо большей степени, чем, казалось бы, обычный возврат к норме и увеличение заработков на одну десятую (этому статистически соответствует ликвидация долгов по оплате труда)» [3].

Именно в этом и состоит главная цель данной работы – выяснить, в какой степени протестное поведение населения обусловлено реальными, объективными трудностями жизни и какие из экономических факторов сильнее других воздействуют на него.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОГО ПРОТЕСТА

Прежде чем остановиться на анализе конкретных эмпирических исследований, которые были направлены на изучение такого явления, как массовый протест, следует сказать несколько слов об основных понятиях и терминах, используемых нами в данной работе.

Первое из таких понятий – *политическое участие*. Обычно, под ним социологами понимается поведение граждан, связанное с прямым или опосредованным (институтами) воздействием на процесс принятия политических решений. Это поведение, в свою очередь, подразделяется на *конвенциональное* (находящееся в соответствии с нормами права и традиции, которые регулируют участие людей в политике при данном режиме) и *неконвенциональное*. Традиционно социологи отождествляют неконвенциональное поведение с протестом и выделяют три основных его вида:

- 1) *ненасильственное легитимное поведение* (демонстрации, митинги, пикеты, бойкоты, подписания петиций, не связанные с нарушением действующего

- законодательства);
- 2) *ненасильственные нелегитимные действия* («гражданское неповиновение», когда граждане по морально-политическим мотивам избегают выполнять законы, но не применяют по отношению к представителям власти насилие);
 - 3) *насильственные действия* (охватывают спектр действий от бунтов до покушений на жизнь людей).

Существуют два основных направления исследований в данной области: «депривационный» и «политический» подходы. В рамках первого из них изучается реакция населения на экономическую депривацию – падение уровня жизни, рост цен, безработицу и т. п. У этого подхода имеется много сторонников. В 70-е годы на Западе широкое распространение получила концепция относительной депривации. Согласно этой теории, механизмом, запускающим протест и насилие, является увеличение разрыва между быстрым ростом ожиданий, вызванных общественными изменениями, и возможностями их реального удовлетворения. Под депривацией же понимается субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему [12], [14].

Результаты исследований ВЦИОМ свидетельствуют о том, что участвовать в акциях протеста намерены преимущественно обездоленные слои населения и те, кто считает себя противниками рыночных реформ. Главный носитель настроений протеста – рабочие и безработные, притом, прежде всего – неквалифицированные рабочие. Большую готовность протестовать проявляют лица со средним образованием в возрасте 40-50 лет. По словам Ю. Левады, «существенно, что основными носителями протестных настроений в нынешних условиях выступают наименее продвинутые, менее всего вовлеченные в процессы перемен слои и группы населения. Их надежды обращены скорее не к будущему, а к прошлому – к всеобщей государственной зависимости» [9, С. 9].

В основе другого, «политического» подхода лежит предположение о том, что основные факторы, повышающие вероятность обращения к протесту, связаны не с депривацией, а с вовлеченностью в политику и возможностью влиять на принимаемые политические решения. Опираясь на данные исследования, проведенного в Санкт-Петербурге осенью 1994 года, В. Сафронов отмечает, что «готовность к протесту не является прямой психологической реакцией на фрустрацию или экономическую депривацию, на ухудшение условий жизни в целом». По его мнению, наибольший потенциал протеста у людей, которые интересуются политикой, следят за ней по сообщениям СМИ, считают, что способны повлиять на происходящее в политической жизни, находят среди агентов политического процесса организации, способные выразить их интересы [14].

Большинство же исследователей учитывает влияние обоих этих факторов – и экономического, и политического в равной степени. М.Назаров, на основе данных исследований, проведенных в Москве летом 1993 и 1994 годов, делает следующие выводы:

- а) уровень поддержки протестных действий в целом является очень низким;
- б) участие в митингах (равно как подписание воззваний и участие в забастовках) сопряжено с влиянием трех основных переменных: включенности в политику, самочувствия в сферах материального благосостояния и трудовой занятости, ориентациями на определенные идеологические ценности;
- в) важную роль играет уровень дохода, самооценка изменения материального благосостояния по сравнению с тем, что было 6-7 лет назад, обеспокоенность

возможностью стать безработным [12].

В современной России протестное движение зародилось десять лет назад, в 1989 году. В первые перестроечные годы население страны ожидало быстрых и ощутимых перемен во многих областях жизни и, прежде всего, самых насущных. При этом наряду с ростом ожиданий, происходила политизация массового сознания. В июне 1991 года доля тех, кто «очень интересовался» или «интересовался» политикой составляла 87%. Нарастал разрыв между первоначальными ожиданиями и ухудшением положения дел в реальности. Это, в свою очередь, привело к явлениям фрустрационного порядка и нарастанию активности участия в различных формах политического протеста. Пик последнего приходился на период 1990-91 гг. В идеологическом плане протестная активность в большей степени была сопряжена с ценностями либерального, антисоциалистического порядка [12].

В последующие годы наблюдался процесс падения интереса широких слоев населения к феномену политики в целом, который в свою очередь, сопровождался уменьшением протестной активности. После прихода к власти сил, имевших ранее массовую поддержку, объективно сократилась мотивация последних к протестному участию [12].

За 90-е годы протестное поведение, наряду с другими формами политического участия (за исключением выборов), не только не развивалось, но и сократилось в сравнении с ситуацией пика перестройки, т.е. с концом 80-х годов [5]. В 1995 году В. Бойков предполагал, что причины такой пассивности населения следует искать в его субъективной реакции на изменение своего социального положения: несмотря на снижение реальных доходов, распределение самооценок уровня жизни мало изменилось к худшему [2].

Возможно, все дело в том, что в настоящее время в обществе отсутствуют четко выраженные, оформленные политические интересы и партийные предпочтения. Почти 40% жителей России «не видят никаких различий между существующими в нашей стране партиями», а подавляющее большинство (58%) выражает согласие, что «партии служат только интересам своих лидеров». Политическое пространство по-прежнему воспринимается населением не в категориях политических сил, структур, институтов, а персонифицированно. Наиболее распространенная оценка респондентов: сегодня у простого человека нет возможности влиять на происходящее в стране (81%), поэтому от участия в политике лучше воздерживаться (48%), «политикам лучше не доверять» (68%) «простые люди всегда отстранены от реальной власти» (85%) и т. п. [5], [13].

В целом, что касается массового протеста в России, то в настоящее время это явление остается по-прежнему недостаточно изученным, интерпретации эмпирических данных в большинстве своем противоречивы. Практически во всех работах, посвященных протесту, исследуются лишь какие-то определенные его аспекты и черты:

- a) изучаются отдельные регионы со своей специфической ситуацией: Москва [12], Санкт-Петербург [1], [14] и т. д. Результаты таких исследований вряд ли можно распространить на всю Россию в целом;
- b) анализируются лишь отдельные типы акций;
- c) не проводится четкое разделение между «мирными» и насильственными формами акций протеста;
- d) не проводится разделение между различными *типами* акций (и забастовки, и массовые выступления, и другие акции протеста рассматриваются как единое целое);

- е) данные опросов никак не сопоставляются со статистическими материалами Госкомстата и МВД. Исследуется лишь декларируемая готовность участвовать в акциях, которая во много раз превышает реальное участие;
- ф) большинство работ носит лишь описательный характер: не анализируются причины явлений, мотивы, которые движут людьми в их действиях.

Нами же, для более тщательного и детального изучения проблемы, было проведено несколько различных, независимых исследований такого явления, как массовый протест:

- а) исследование динамики реального поведения людей. Здесь я использовал данные Госкомстата России о количестве организаций, в которых прошли забастовки продолжительностью одна смена и более, о числе их участников и о неотработанном рабочем времени, а также данные МВД о количестве и числе участников митингов, шествий, манифестаций и голодовок;
- б) исследование динамики таких субъективных показателей, как ожидания людей, относительно возможности проведения массовых акций протеста в их городе или районе, а также их готовности принять участие в этих акциях. Анализ проводился на основе данных регулярных мониторингов ВЦИОМ, в ходе которых респондентам задавались соответствующие вопросы;
- с) Исследование взаимосвязи между временными рядами, характеризующими декларируемую готовность участвовать в акциях протеста и ожиданиями людей, с одной стороны, и реальным числом участников – с другой.

Таким образом, мы смогли, используя разные типы данных, проанализировать протестное поведение в России с различных сторон.

АНАЛИЗ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ

С самого начала нам необходимо разделить два разных типа протестного поведения людей: во-первых, это – **забастовки** на предприятиях, а во-вторых – другие, **публичные акции протеста**, в число которых мы включили митинги, манифестации, пикетирования и голодовки. Некоторые авторы, базируясь на данных социологических опросов, утверждают, что такие формы протеста, как подписание воззваний, участие в митингах и забастовках очень тесно взаимосвязаны. То есть те люди, которые выразили готовность участвовать в акциях одного типа, с большей вероятностью будут принимать участие и в других [12]. Однако временные ряды, отражающие динамику численности участников забастовок и акций протеста за 1997-1998 годы, очень слабо коррелируют друг с другом ($r=0,071$), и отсюда мы можем сделать вывод, что эти два типа протестной активности имеют разную природу и обусловлены разными факторами.

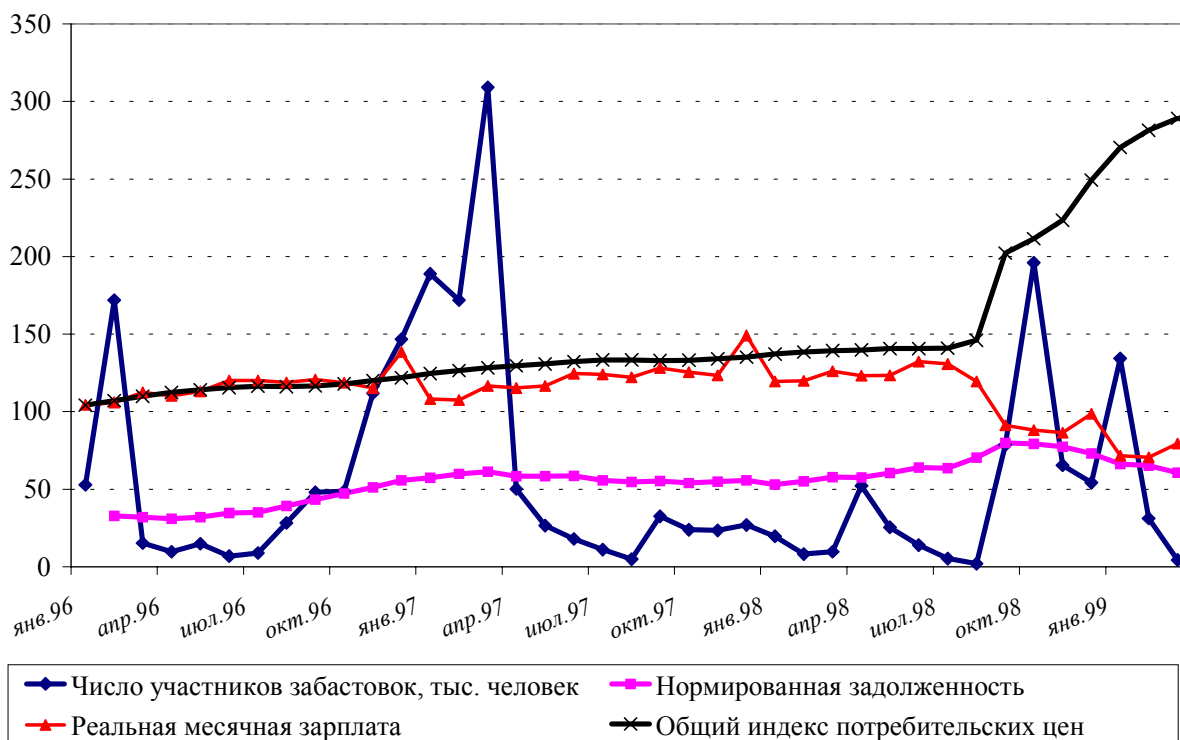
Забастовки на предприятиях

В динамике забастовок 1996-1998 годов четко прослеживаются три основных периода:

- а) *Январь 96 – март 97 г.* После очередного «всплеска» в феврале 1996 года, когда в забастовках приняли участие 172 тысячи человек, и предвыборного затишья с марта по июль (около 10 тысяч человек ежемесячно) в России начался непрерывный рост забастовочной активности. Этот рост продолжался непрерывно до апреля 1997 года. В марте забастовочная активность была максимальной и охватывала почти 4500 предприятий и организаций, в акциях приняло участие 309 тысяч работников! В апреле же наступил резкий спад до 50 тысяч.

Рисунок 1.

Динамика забастовок и основных экономических показателей в России в 1996-1998 годах.

Как же изменялись в этот период наши основные экономические показатели? Что касается реальной заработной платы, то она оставалась практически постоянной, если не считать традиционного сезонного декабрьского всплеска. То же самое можно сказать и о темпах инфляции: на протяжении всего этого периода они оставались довольно низкими, составляли около 1-2% в месяц и, разумеется, не могли вызвать такого огромного роста забастовочной активности.

А вот что касается задолженности по заработной плате как номинальной, так и реальной, то она росла, и росла довольно сильно. Начиная с мая и вплоть до ноября, ежемесячные темпы прироста реальной задолженности были в среднем порядка 10%! На мой взгляд, именно столь высокий темп, а самое главное – то, что это продолжалось в течение длительного промежутка времени – более чем полугодом, и привело к небывалому росту числа забастовок в конце 1996 – начале 1997 года.

б) *Апрель 97 г. – август 98 г.* Забастовочная активность невысокая. Число участников забастовок колеблется от 5 до 50 тысяч человек, в среднем где-то около 20 тысяч. Колебания носят сезонный характер и никак не связаны с показателями реальной заработной платы и реальной задолженности. Изменение этих величин в данный период тоже весьма незначительное. Цены практически не росли: среднемесячный темп инфляции в эти полтора года составлял около 0,6% в месяц. Наблюдался небольшой рост заработной платы: за этот период она выросла на 10%. Что касается реальной задолженности, то в марте 1998 года она увеличилась по сравнению с мартом 1997 всего на 6%, а вот затем снова начала расти примерно на 5-6% ежемесячно, но, по-видимому, такой темп прироста был недостаточен, чтобы вызвать серьезную волну народного возмущения.

в) *Сентябрь 98 г. – март 99 г.* Все резко поменялось в сентябре 1998 года. В связи с девальвацией рубля и последовавшим за этим ростом цен произошло резкое падение реальных доходов населения, в том числе и реальной заработной платы. При этом реальная задолженность тоже уменьшилась. Резко подскочила забастовочная активность: забастовки прошли более чем на 4 000 предприятий и организаций, и в них было вовлечено 79 тысяч человек в сентябре и 196 тысяч – в ноябре (и это по сравнению с 2 тысячами в августе). Но этот всплеск активности оказался, во-первых, очень слабым (значительно ниже, чем в марте 1997 года), а во-вторых, непродолжительным: уже в ноябре в забастовках принимало участие всего 65 тысяч человек, а в декабре и вовсе 54 тысячи (что составляет 0,06% от численности трудоспособного населения страны). В марте 1999 года активность и вовсе снизилась практически до нуля: 4,5 тысячи участников забастовок.

Судя по всему, в этот период именно низкая реальная зарплата (но не реальный доход) являлась главным фактором, побуждавшим людей участвовать в забастовках.

На протяжении всех трех лет довольно четко прослеживается зависимость числа участников забастовок от *темпов прироста задолженности*, причем, эта связь отнюдь не линейная, а скорее экспоненциальная. На графике (рис. 2) по оси X отложены средние значения ежемесячных темпов прироста задолженности (в качестве нормировочного коэффициента выбрана средняя начисленная зарплата) за последние три месяца (с учетом двухмесячного лага), а по оси Y – число участников забастовок в данном месяце. Точка «1» соответствует июлю 1996 года, а «33» – марту 1999 года. В периоды стагнации, когда размеры задолженности долгое время не меняются, а также в те периоды, когда величина задолженности имеет устойчивую тенденцию к снижению, забастовочная активность практически нулевая. Она возрастает только тогда, когда на протяжении длительного промежутка времени наблюдается устойчивый рост невыплат.

Рис. 2. Зависимость числа участников забастовок от темпов прироста задолженности (июль 1996 г. – март 1999 г.).

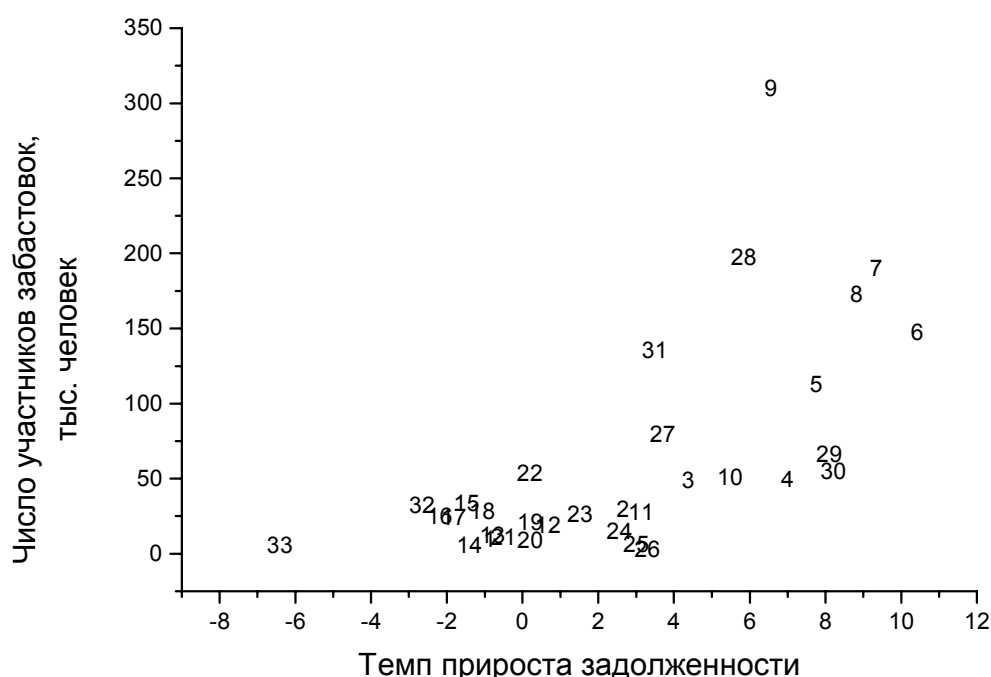
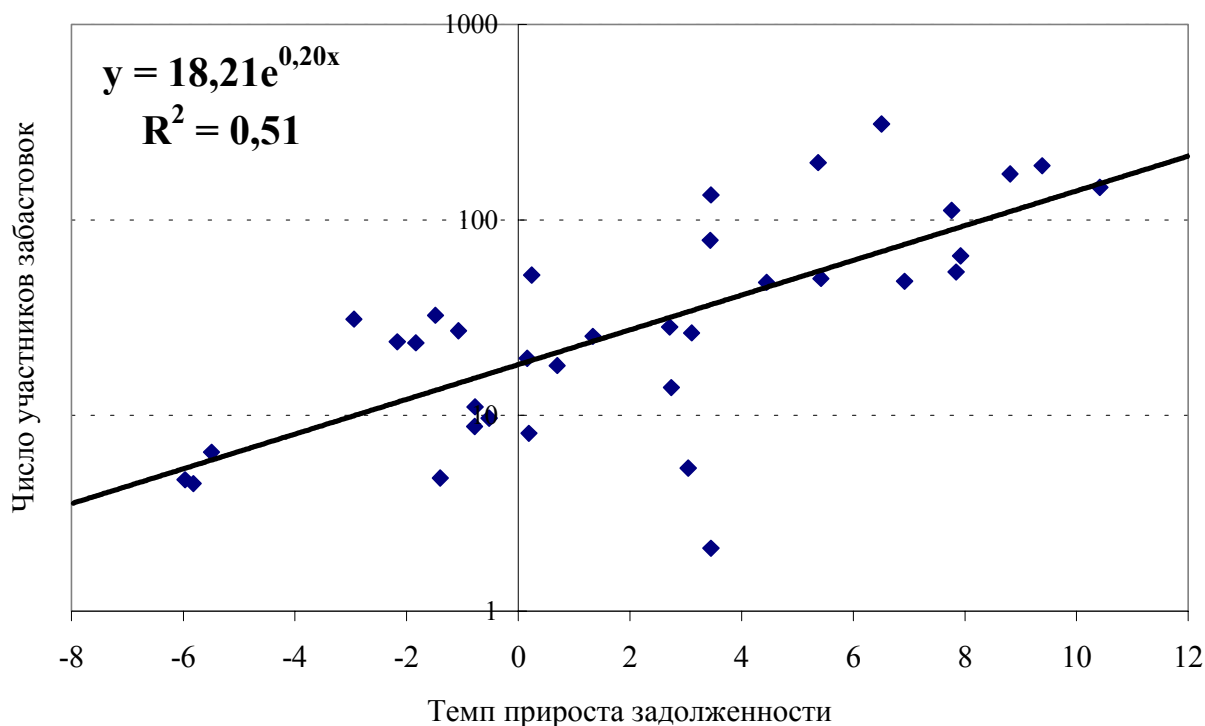

Рис. 3. Зависимость числа участников забастовок от темпов прироста задолженности (шкала оси ординат - логарифмическая)

Наличие такого рода зависимости становится еще более очевидным, если использовать по оси ординат вместо обычной логарифмическую шкалу. Как это ни странно, но наибольшие проблемы при выводе регрессионного уравнения нам создают не пики протестной активности в марте 1997 и октябре 1998 года, как это могло бы показаться на первый взгляд, а слишком низкая активность летом 1998 (точки «25» и «26»). Проверка на автокорреляцию дала нам фактически отрицательный результат (коэффициент авторегрессии равен 0,28, а значимость нуль-гипотезы: 0,12). А это значит, что мы можем рассматривать все события как независимые и, следовательно, можем исключить из рассмотрения июль и август 1998 года. После чего, применяя обычные регрессионные методы, получаем:

$$ЗАБ_i = 20,89 \cdot e^{0,2084 \cdot \Delta ЗАД_{i-2}}$$

Коэффициент детерминации возрастает сразу с 0,47 до 0,63. Корреляция между темпами прироста задолженности и логарифмом числа участников забастовок становится равной 0,80.

Специфика данной экспоненциальной зависимости заключается в том, что при больших значениях прироста задолженности, события в стране могут развиваться самым непредсказуемым для нас образом. Сделать точный прогноз становится делом практически невероятным, так как ширина доверительного интервала стремительно возрастает, за счет увеличения значения на его верхней границе.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что забастовочная активность в России главным образом определяется такими экономическими факторами, как реальная заработная плата и просроченная задолженность предприятий по ее выплате. Важнейшим же показателем является темп прироста задолженности.

Воздействие этих факторов тем сильнее, чем больше их изменение в течение нескольких последних месяцев.

Митинги, манифестации, пикетирования и голодовки

Что касается акций протеста второго типа, то здесь картина совершенно иная. Число их участников совершенно не коррелирует ни с одним из экономических факторов. В 1997-1998 годах максимальная протестная активность (более 20 тысяч человек в месяц) наблюдалась в начале весны и середине лета (март и июль) и не могла быть вызвана никакими объективными трудностями, поскольку экономическая ситуация в стране не претерпевала в это время никаких существенных изменений. По-видимому, факторы, которые воздействуют на динамику этих процессов, носят не экономический, а преимущественно политический, психологический и информационный характер.

Ожидания и намерения людей участвовать в акциях протеста

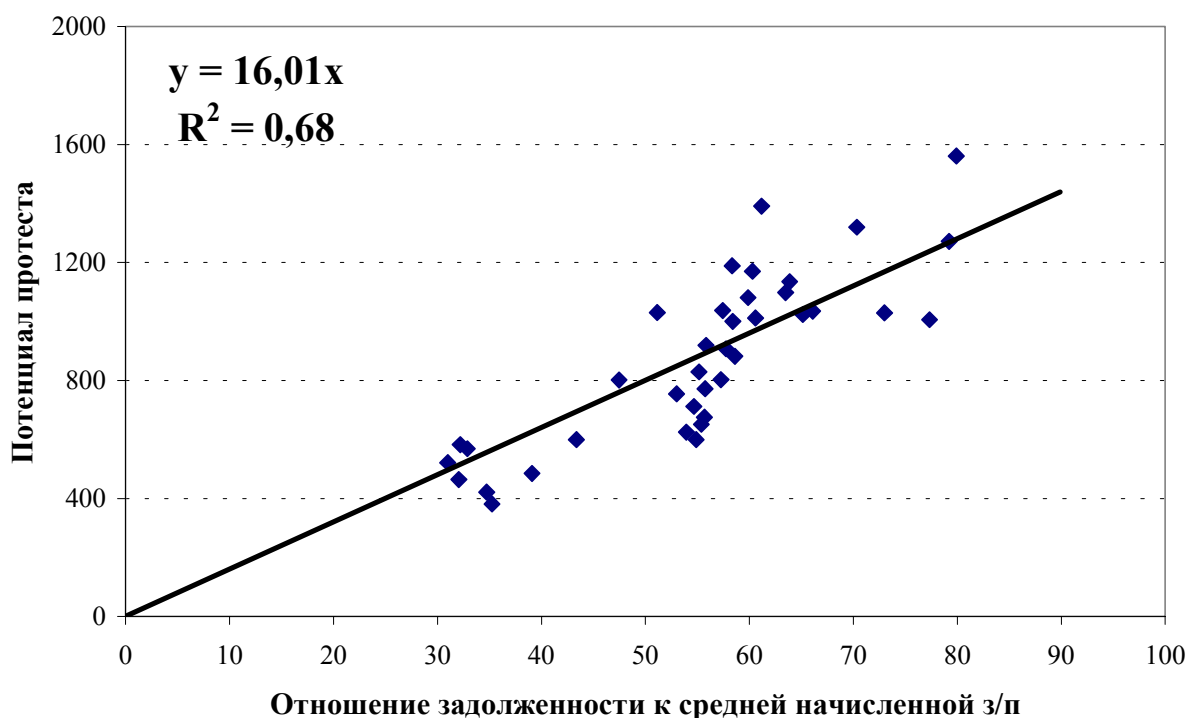
Систематические социологические исследования показателей социального недовольства и протестного потенциала в российском обществе стали проводиться сравнительно недавно, с начала 90-х гг. Наиболее продолжительные и детальные ряды данных (начиная с марта 1993 года) были получены в ходе регулярных мониторингов ВЦИОМ. Они и будут предметом нашего анализа в данном разделе. Однако эти всероссийские исследования проводятся лишь раз в два месяца, что для нас не совсем удобно, поскольку по остальным показателям мы имеем ежемесячную статистику и «выбрасывать» половину данных было бы нежелательно. Поэтому я позволил себе, учитывая определенную инертность общественного мнения, дополнить ряды ВЦИОМ в те месяцы, когда опросы не проводились, данными, полученными как среднее арифметическое от значений ряда в предыдущий и последующий месяцы.

Влияние различных субъективных характеристик на протестный потенциал в последнее время анализируется многими авторами (см., например, [9], [12]). Моя же цель в данной работе – с одной стороны, установить, насколько данные массовых опросов, касающиеся ожиданий людей и их готовности протестовать, соотносятся с реальными, объективными данными Госкомстата России о доходах населения, о суммарной задолженности по зарплате и т.п. А с другой стороны, – выяснить, насколько тесно они коррелируют с действительной протестной активностью в стране, и можно ли на основании опросов делать прогноз относительно возможности возникновения и характере массовых волнений.

В качестве основного показателя, характеризующего социальную напряженность, мною был выбран показатель потенциала протеста (ППП), который используется при анализе ситуации в стране аналитиками ВЦИОМ и довольно точно описывает динамику настроений населения. Он вычисляется как произведение «вероятности» акций протеста на «готовность» людей в них участвовать.

Анализ показывает, что ППП теснейшим образом связан с величиной реальных доходов населения (коэффициент корреляции $r = -0,39$) и реальной задолженностью по зарплате ($r = 0,66$). Переменной же, с которой ППП коррелирует наиболее сильно, является отношение суммарной задолженности к средней начисленной заработной плате: $r = 0,83$ (см. рис. 4).

Рис. 4. Зависимость протестного потенциала от суммарной задолженности, нормированной на величину средней заработной платы.

Что касается связи социальной напряженности с реальной протестной активностью, то мы можем отметить, что в 1997-98 годах такая связь, в самом деле, имела место, но она была недостаточно сильна, чтобы на ее основе мы могли прогнозировать развитие ситуации в стране. Чем больше людей положительно отвечает на вопрос ВЦИОМ: «Если состоятся митинги, демонстрации протеста, Вы лично примете в них участие?», тем протестная активность выше. А чем выше реальная протестная активность, тем, соответственно, большее количество людей ожидают ее роста и в дальнейшем. Коэффициент корреляции между ППП и числом участников забастовок был равен 0,42, а между ППП и числом участников публичных акций протеста: 0,56. А это значит, что социологические опросы, в целом, довольно точно отражают тенденции тех процессов, которые реально происходят в обществе.

ВЫДЕЛЕНИЕ ФАКТОРОВ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИХ ПРОТЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Однако, анализируя данные только с помощью сравнения корреляционных коэффициентов и построения уравнений регрессии, мы можем получить лишь поверхностное представление о процессах, происходящих в обществе. Для того чтобы понять, какие причины лежат в основе тех или иных общественных явлений, чтобы понять их сущность, нам следует обратиться к методам факторного анализа.

Моей целью в работе было выявление скрытых взаимосвязей между тремя группами переменных, в той или иной степени отражающих динамику социально-экономических преобразований в России в течение 1997-98 годов. В *первую группу* вошли две переменные, характеризующие реальное протестное поведение населения: число участников забастовок и число участников публичных акций протеста. *Вторую группу* составили «экономические» переменные, непосредственно связанные с уровнем материального благосостояния населения: реальный доход и реальная начисленная

заработная плата, отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму и доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, отношение задолженности к средней начисленной заработной плате и темп прироста задолженности. И, наконец, *третья группа* включает в себя переменные, характеризующие ожидания людей относительно возможности проведения в их местности массовых акций протеста и их декларируемую готовность принять в них участие в текущем месяце, а также в предыдущем и последующем.

Сама процедура факторного анализа заключалась в следующем: была построена матрица корреляционных коэффициентов для 14 отобранных переменных и затем к ней был применен метод главных компонент, дающий единственное с математической точки зрения решение. Чтобы максимально упростить структуру полученных компонент, было проведено ортогональное вращение факторного решения, по критерию «варимакс». Для вращения были отобраны 4 первые компоненты, имевшие собственные значения больше 1,0.

В результате вращения были получены четыре фактора, которые, исходя из аналитического характера факторной модели, являются независимыми чертами социального поведения. Они покрывают соответственно 32%, 23%, 21% и 15% общей вариации, а все четыре в сумме – 91%.

Табл. 1. Матрица факторных нагрузок

	1	2	3	4
Процент объясняемой дисперсии	31,9%	23,0%	21,0%	15,2%
Число участников забастовок				0,91
Число участников публичных акций протеста		0,46	0,66	
Реальная заработная плата	-0,83			-0,47
Реальные доходы на душу населения	-0,95			
Соотношение среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума	-0,90			
Доля населения с доходами ниже прожиточного уровня, %	0,94			
Отношение задолженности к средней начисленной зарплате	0,76	0,54		
Темп прироста задолженности				0,73
Ожидания в прошлом		0,87		
Готовность в прошлом		0,80		0,40
Ожидания		0,81	0,43	
Готовность		0,41	0,75	
Ожидания в будущем		0,52	0,74	
Готовность в будущем			0,88	

Средняя квадратическая нагрузка каждой из переменных по всем факторам вместе (общность) превышает 0,75, а для пяти из них (в том числе для всех четырех, имеющих отношение к уровню доходов населения) она выше 0,95. Поэтому мы можем с уверенностью заявить, что, поскольку полученный набор из четырех факторов покрывает более трех четвертей вариации, наблюдаемой по отобранным переменным, он в достаточной степени полно отражает сущность исследуемых процессов в обществе.

Стоит отметить, что наименьшую суммарную нагрузку имеют как раз две переменные, описывающие реальное протестное поведение: число участников забастовок (0,86) и число участников публичных акций протеста (0,76). По-видимому, оставшаяся часть вариации покрывается за счет влияния других факторов, которые не были нами учтены и не вошли в нашу модель.

В таблице 1 представлены результаты факторного анализа. Она содержит полученные в ходе ортогонального преобразования нагрузки на факторы для 14 переменных нашей модели. Для того чтобы их было легче осмыслить и дать им названия, были рассмотрены лишь переменные с «высокими» нагрузками, превышающими $\pm 0,40$.

Итак, первый фактор, полученный мною, объясняет практически треть (31,9%) общей вариации. Он представляет собой экономическую составляющую нашей модели, отражает степень материального неблагополучия населения: коэффициенты его корреляции со всеми без исключения переменными, отражающими уровень доходов и задолженность предприятий по заработной плате, превышают $\pm 0,75$. Этот фактор абсолютно не связан с забастовочной активностью (нагрузка для числа участников забастовок составляет всего 0,01) и с показателями ожиданий и готовности населения протестовать.

Однако мы можем говорить о его влиянии на публичный протест. Причем существенно то, что эта связь между ними является отрицательной, то есть чем ниже уровень реальной заработной платы, чем выше размер задолженности, тем меньшее число людей принимает участие в публичных акциях протеста. И хотя абсолютное значение нагрузки этой переменной на первый фактор невелико (всего 0,24), тем не менее, для каждого года в отдельности мы получаем весьма значимую связь: $-0,62$ в 1997 г. и $-0,49$ в 1998 г.¹

К сожалению, информации о корреляции исследуемых переменных с фактором, которой мы располагаем, недостаточно, чтобы точно определить его природу, чтобы объяснить, почему снижается протестная активность людей, одновременно с ухудшением их материального благосостояния. Мы можем построить лишь несколько разных интерпретаций. Фактически, на мой взгляд, этот фактор способен отражать четыре разные вещи.

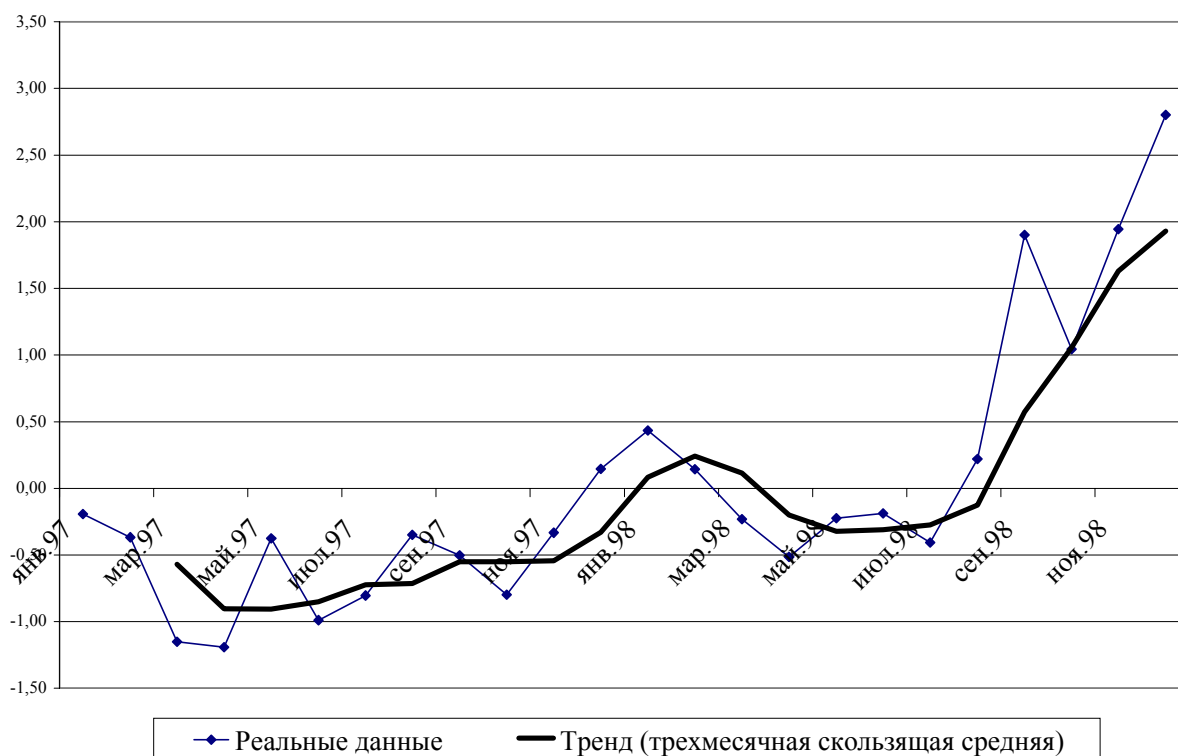
1. Уровень *оптимизма* населения, веру народа в то, что те трудности, которые мы сейчас испытываем, переживаем, носят лишь временный характер.
2. Напротив, крайнюю степень *пессимизма*, беспомощность перед «стихией», когда люди уверены, что никакими действиями, никакими акциями невозможно повлиять на сложившуюся в России ситуацию и что-либо изменить, что власть не прислушивается к «простому человеку».
3. Уровень *равнодушия* населения к своим экономическим проблемам.

¹ Это связано с тем, что связь первого фактора с публичным протестом не является линейной.

4. Возможно, во многом оставшийся еще с советских времен, *страх* людей перед возможными неблагоприятными последствиями подобных акций протеста: увольнением с работы, тюремным заключением и т. п.

Привнесение в модель переменных, характеризующих динамику настроений населения (политический и экономический оптимизм, оценки людьми положения в стране) могло бы помочь более конкретно определить природу данного фактора. Но, как мне кажется, в данном случае мы все же имеем дело с измерением, отражающим **уровень оптимизма** в обществе.

Рис. 5. ФАКТОР 1: Уровень оптимизма

На рис. 5 представлена динамика фактора в 1997-1998 годах. Жирная кривая – это линия тренда, вычисленная по методу скользящего среднего за последние три месяца. Видно, что на протяжении практически всего 1997 года, несмотря на значительные сезонные колебания, уровень оптимизма населения имел явную тенденцию к повышению. Стоит особо отметить аналогию, которая имеет место между характером динамики нашего фактора и динамикой показателя, отражающего отношение населения к Правительству России, приведенной в статье М. Урнова [15, рис. 6]. Обращает на себя внимание стабильный рост данного показателя в период с марта по ноябрь 1997 г., небольшой всплеск в мае и резкий взлет осенью 1998 г. Исходя из того, что правительство не предпринимало в это время абсолютно никаких шагов по реальному улучшению сложившейся в стране ситуации, можно сделать вывод о том, что рост доверия был связан лишь с *надеждой* населения на какую-то стабилизацию в будущем.

Второй по значимости фактор, обуславливающий 23,0% колебаний исследуемых нами показателей, имеет высокие нагрузки практически по всем переменным, отражающим ожидание населением массовых акций протеста и готовность в них участвовать. Что

касается «экономических» переменных, то, за исключением размеров задолженности по заработной плате, они не слишком сильно коррелируют с данным фактором. Невелика корреляция и с реальной протестной активностью (по сравнению с третьим и четвертым факторами): 0,46 для публичных акций протеста и всего 0,12 для забастовок. Судя по всему, этот фактор отражает **пассивное недовольство** населения своим социально-экономическим положением (можно назвать это также **декларируемым протестом**), когда люди высказывают свою активную позицию, когда они недовольны существующим положением дел, но, однако, все это не выливается у них ни в какие конкретные действия.

Изменение этого пассивного недовольства в период 1997-1998 гг. представлено на рис. 6. Как хорошо видно, в его динамике четко прослеживаются несколько основных этапов. Первый – с начала 1997 г. по апрель – резкий взлет, затем – снижение до января 1998 года. После этого, вплоть до июня, пассивное недовольство вновь непрерывно растет. Летом имеет место незначительный спад, который сменяется очередным взлетом в сентябре, после потрясшего страну экономического кризиса. Функция декларируемого протеста в том, что он, наряду с фактором оптимизма, фактически «гасит» протестные настроения, но сам по себе имеет скрытую природу и может фиксироваться только в ходе массовых опросов.

Третий выделенный нами фактор, покрывающий 21,0% суммарной вариации, отражает потребность людей в публичном выражении своего протеста в форме митингов, демонстраций, пикетов и голодовок. Переменная протеста имеет наивысшую нагрузку именно по этому фактору (0,66). С ним также очень сильно коррелируют показатели ожиданий публичных акций и, особенно, готовности в них участвовать в настоящем и будущем. Мы, исходя из этого, можем назвать его фактором **публичного протеста**.

Он никак не связан с материальными трудностями населения. Ни одна из «экономических» переменных не имеет по нему большой нагрузки. Вероятно, включение новых дополнительных переменных в нашу модель (и в первую очередь политических) могло бы в большей степени прояснить природу данного фактора.

В 1997-1998 годы было два периода, когда публичный протест сильно возрастал и выходил на некий предельный, максимальный для себя уровень: первый, довольно короткий, в феврале-марте 1997 г. и второй, гораздо более длительный, продолжавшийся всю весну и лето 1998 г. Именно в это время достигли своего апогея «рельсовые войны» и другие формы демонстративного выражения людьми своего протеста. Хотя таких акций было на самом деле не слишком много, практически все они имели широкий общественный резонанс.

Любопытно, что график, отражающий динамику публичного протеста, очень сильно напоминает график декларируемого протеста, только со сдвигом на два месяца назад. Фактически, коэффициент корреляции между $F_2(t)$ и $F_3(t+2)$ составляет 0,86. При этом оба фактора «объясняют» практически одинаковую долю общей вариации. Отсюда мы можем сделать интересный вывод о том, что в периоды спада реальная протестная активность не исчезает сразу бесследно, а плавно перетекает в другой тип – в пассивное недовольство. В то же самое время, это недовольство является своеобразным амортизатором, смягчающим массовый протест в периоды его активного роста.

Взаимосвязь между переменными, имеющими наиболее высокие нагрузки по четвертому фактору, покрывающему 15,2% общей вариации, уже была подробно рассмотрена нами ранее. Была показана экспоненциальная зависимость числа участников забастовок от темпов прироста задолженности. Можно считать, что данный

фактор отражает недовольство населения, выраженное в форме **забастовочного протеста**. Стоит отметить довольно высокую нагрузку на этот фактор, которую имеет такая переменная, как реальная заработная плата (-0,47), притом, что нагрузка для реального дохода составляет всего -0,01. Это означает, что размер зарплаты также оказывает определенное влияние на формирование забастовочного протеста, хотя, конечно, не такое сильное, как прирост задолженности.

Динамика нашего четвертого фактора в целом отражает динамику тех двух показателей, которые с ним непосредственно связаны (рис. 8). В январе-марте 1997 г. – пик забастовочной активности. После этого активность пошла на убыль и более года пребывала на крайне низком уровне. В течение всего лета 1998 г. наблюдался ее вялый рост (в это время интенсивно растет задолженность по заработной плате, но забастовок в стране немного), затем резкий скачок в октябре и, последовавший за ним, такой же резкий спад.

Рис. 6. ФАКТОР 2: декларируемый протест

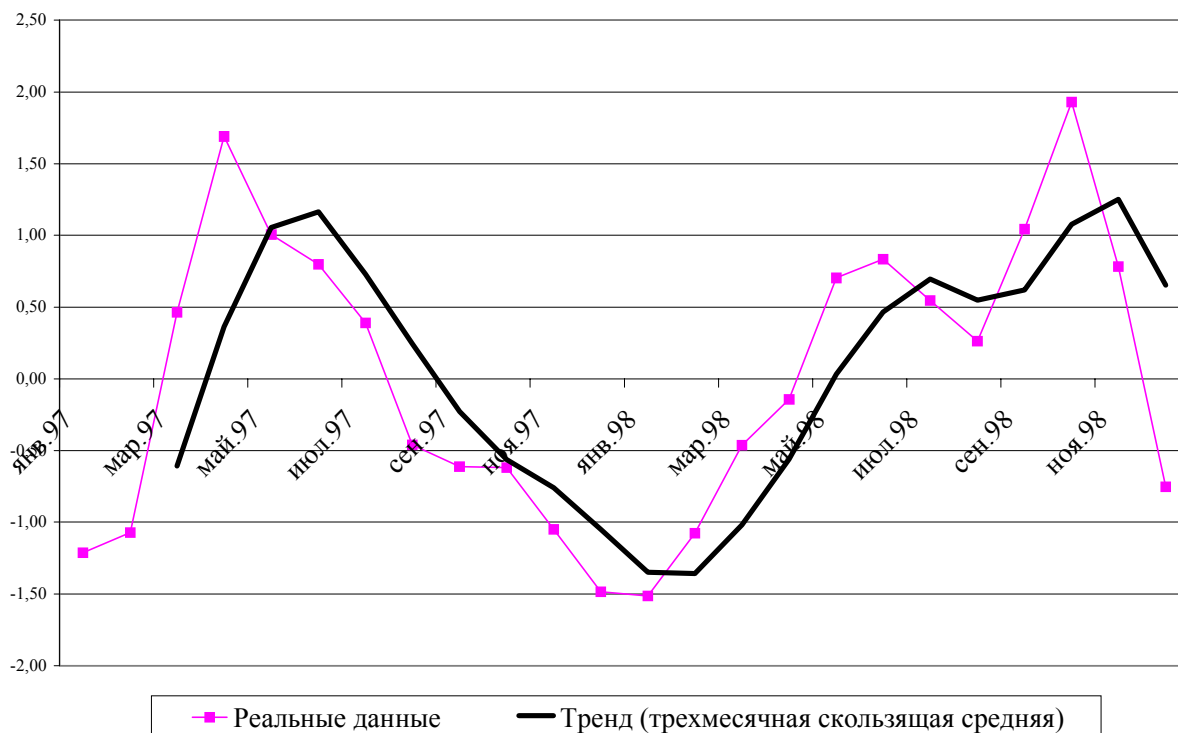
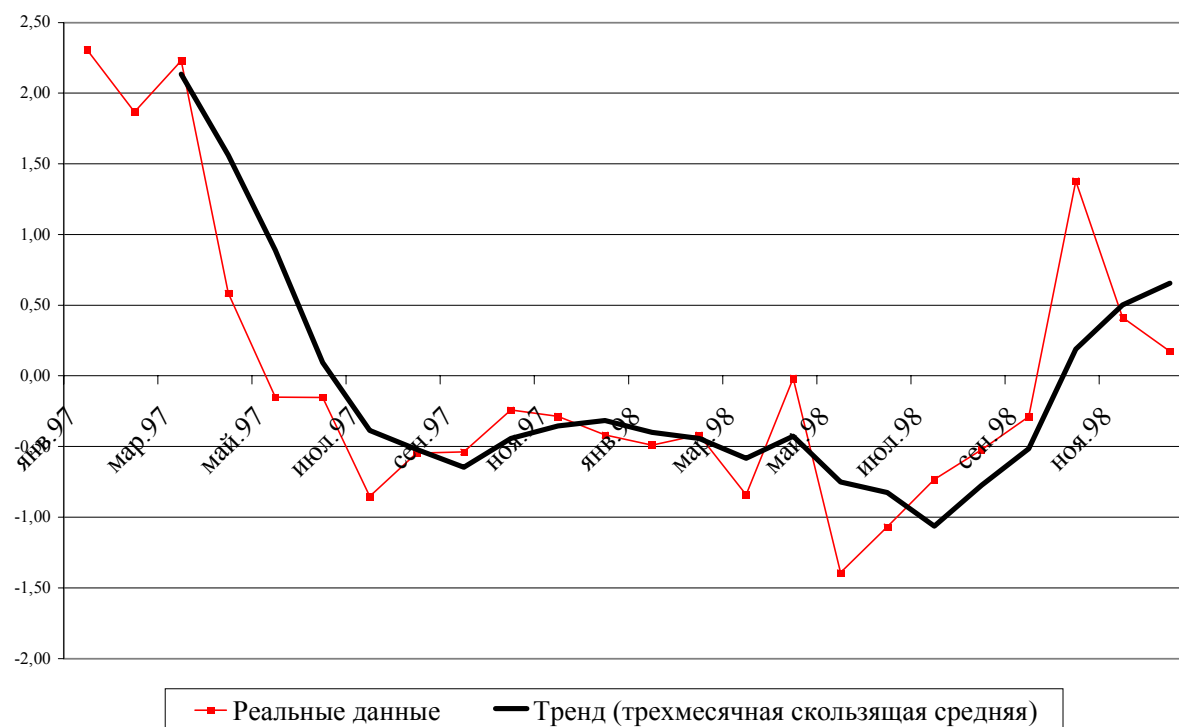

Рис. 7. ФАКТОР 3: публичный протест

Рис. 8. ФАКТОР 4: забастовочный протест

Итак, подводя черту, следует отметить, что проведенный нами факторный анализ носил в значительной степени лишь поисковый, разведывательный характер. Его результатом явилось получение четырех факторов, определяющих уровень и характер социальной напряженности в стране в последние годы. Однако настоящее применение в теории и научном исследовании эта факторная структура получит только тогда, когда нам удастся перевести все факторы на язык простых операциональных определений. Этого можно достичь путем конструирования новых, «синтетических» переменных (или поиском уже существующих), каждая из которых будет иметь высокие корреляции с одним из них. Замеряя значения этих переменных в ходе проведения массовых опросов населения, мы, тем самым, получаем возможность фиксировать уровень каждого из четырех основных типов протеста в определенный момент времени, а также сможем делать прогнозы относительно их дальнейшей динамики. Пока что (и это хорошо видно из таблицы 1), с помощью вопросов об ожиданиях и готовности участвовать в массовых акциях, мы можем достаточно точно измерять лишь уровень декларируемого протеста и, в какой-то степени, публичного протеста.

Заключение

Результаты анализа протестного поведения населения России в последние несколько лет позволяют нам сделать следующие основные выводы.

1. Массовый протест имеет две совершенно независимых составляющих: с одной стороны, это *забастовки* на предприятиях, а с другой – *публичные акции протеста*, к которым относятся митинги, манифестации, пикетирования и голодовки. Они имеют разную природу и обусловлены разными факторами.
2. Число участников публичных акций протеста совершенно не коррелирует ни с одной экономической переменной. По-видимому, факторы, которые воздействуют на динамику этих процессов, носят не экономический, а преимущественно политический, психологический и информационный характер.
3. На протяжении 1996-1998 гг. довольно четко прослеживается экспоненциальная зависимость числа участников забастовок от *темпов прироста задолженности*. В отдельные периоды наблюдается связь забастовочной активности с величиной реальной заработной платы и размером задолженности.
4. Применение метода главных компонент к динамическим данным позволило получить и проанализировать четыре фактора, которые являются независимыми чертами социального поведения. Они были проинтерпретированы нами как конформное поведение населения, декларативный, публичный и забастовочный протест. К сожалению, нам не удалось перевести все факторы на язык простых операциональных определений. Это может быть сделано в будущем, путем построения переменных, каждая из которых будет иметь высокие корреляции с одним из них.

Таким образом, можно сказать, что в целом в ходе исследования мы решили те задачи, которые ставили перед собой, приступая к нему.

Такое явление, как протестное поведение населения было подробно рассмотрено нами на макроуровне. Следующим этапом должно теперь стать проведение социологического исследования, целью которого будет подтверждение или опровержение полученных теоретических результатов.

В ходе этого исследования, в частности, может быть подробно изучена категория тех

людей, которые собираются принять участие в акциях протеста: их социально-демографические характеристики, материальные условия жизни, политические предпочтения и т. п.

Литература

1. Аксенов К.Э. Протестная мотивация избирателей: два периода электоральной истории Санкт-Петербурга // *Социологический журнал*. 1998. № 1/2.
2. Бойков В.Э. Социально-политические факторы развития российского общества // *СОЦИС*. 1995. № 11. С. 42-53.
3. Гордон Л.А. Общество «недовольных» (Особенности массового сознания в переходный период) // Доклад на экспертной сессии Ситуационного центра Президента Российской Федерации. 17 июля 1998 г. *ПОЛИС*. 1998. № 3).
4. Гребениченко С. Многомерный анализ динамических показателей общественного мнения об экономических и социальных переменах 90-х годов: латентные факторы и пути эволюции России // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. 1999. № 1. С. 18-24.
5. Зоркая Н. Политическое участие и доверие населения к политическим институтам и политическим лидерам // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. 1999. № 1. С. 24-27.
6. Кинсбургский А.В. Социальное недовольство и потенциал протеста // *СОЦИС*. 1998. № 10. С. 92-96.
7. Климов И.А. Протестное движение в России: взаимная обусловленность стратегий сторон // *ПОЛИС*. 1999. № 1. С. 148-161.
8. Кравченко К.А. Шахтерские забастовки: проблемы исследования // *СОЦИС*. 1995. № 10. С. 59-62.
9. Левада Ю. Массовый протест: потенциал и пределы // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. 1997. № 3. С. 7-12.
10. Левашов В.К. Динамика социально-политической ситуации в России: опыт социологического мониторинга // *СОЦИС*. 1997. № 11.
11. Лопатин Л.Н. *Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев*. (Серия – «Люди Кузбасса»). Редакторы: Л.А. Гордон, А.А. Куделин. ИМЭМО РАН – М., 1998. – 617 С.
12. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // *СОЦИС*. 1995. № 1. С. 47-59.
13. Попова О.В. Анализ неконвенционального поведения в кризисном обществе // www.soc.pu.ru/publications/conf97-1/art24.html Дата последнего обновления сайта – 12.11.1997 г.; Информация получена 15.04.1999 г.
14. Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Том 1. № 4. С. 116-130.
15. Урнов М. Некоторые факторы адаптации российского общества к ситуации после августовского кризиса 1998 г. // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. 1999. № 2. С. 7-11.
16. Хенкин М. Жизнь взаимы // *ЭКО*. 1998. № 3.

17. Kim J.-O., and Mueller C.W. (1978) Factor Analysis: Statistical Methods and Practical Issues./ *Sage University Paper series on Quantitative Applications in the Social Sciences*, 07-014. Beverly Hills: Sage Pubns.